

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

З. З. Ибрагимова, Ф. Ф. Серебряков

Первые сто лет университетской философии в Казани. Накануне учреждения университетов в России в Александровскую эпоху целесообразность этого шага подвергалась сомнению даже представителями образованных кругов Империи, особенно в провинции. А если всё же «тому быть», то, по мнению многих «лучших людей» дворянского сословия (например, в Поволжском крае), оправданием этой скорее вредной, чем полезной для казны «блажи» могло бы быть преподавание в университетах прежде всего «наук воинских».

То, что от учреждения университетов «больше вреда для казны, чем пользы», считал даже Н. М. Карамзин. Этому вряд ли стоит удивляться, даже помня о просвещённых начинаниях Петра, — ведь и ста лет не прошло с тех пор. А им предшествовала, казалось, вечность, когда чуть ли не обыкновением было убеждение, высказанное одним московским богословом XVII в.: «Нас, овец Христовых, не перемудряйте софистиками своими...»¹.

В провинции дело обстояло ещё хуже. Застал здесь «почти дикарей», вспоминал позднее К. Фукс, одним из первых немецких профессоров прибывший в Казань в недавно учреждённый университет. Но даже если отвлечься от «европейских глаз» немецкого профессора, то вот другое мнение природного россиянина, хотя тоже европейски образованного человека: «Моё желание, разумеется, не было ехать в Казань, — писал ещё в 1838 г. Н. Погодину один его знакомый про-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-13-16003 а/В

¹ См.: Из истории русской философии. М., 1948. С. 88.

фессор, получивший назначение в Казанский университет, — столь удалённую от центра нашей учёности и литературы»².

Предположить, что сова Минервы, эта совсем уж инородная птица, найдёт местные края вполне пригодными для себя, чтобы не облетать их стороной во время своих неспешных ночных перелётов, и во все было трудно. Но, казалось, невозможное случилось. Не пройдёт и нескольких десятков лет, как приват-доценты и профессора Казанского университета будут со знанием дела, не по-ученически, нередко критически откликаться на новейшую европейскую философскую литературу, участвовать в международных философских конгрессах, выступать на них с докладами, состоять в комиссиях и редакциях.

А начиналось это с учреждения в составе отделения нравственных и политических наук Казанского университета кафедры умозрительной и практической философии — старейшей в Поволжье и далее на восточных землях бескрайнего государства вплоть до Тихого океана. Кафедра — ровесница университета. Когда в январе 1805 г. попечителю Казанского учебного округа удалось набрать первых шесть (из 28 по штату) преподавателей на кафедры существовавшего ещё только на бумаге университета, среди них был и Л. С. Левицкий, учитель «логики и нравоучения» Казанской гимназии, выпускник Рязанской семинарии и Московского университета. В звании адъюнкта он стал первым «заведующим» кафедрой философии.

С этого момента мы должны «развести» историю философского образования в университете и историю университетской философии, понимаемую как обнаруживающуюся с каждым новым поколением её представителей всё более адекватную формовку, всё более «набухающую почку» самой способности к философской рефлексии. Хотя сделать это можно лишь весьма условно и не без вреда для дела, то есть для более или менее адекватного понимания истории «университетской» философии. Именно применительно к последней справедливо то, что она органично связана с историей университетского фило-

² См.: Корбут М. К. Казанский университет за сто двадцать лет. Казань, 1930. С. 96.

софского образования, они в значительной мере обуславливают друг друга. Так сложилось исторически.

Если влияние на философское образование университетской философии (включая сюда не только кафедральные предметы, но и другие философски «нагруженные» дисциплины, преподаваемые в университете³) представляется бесспорным, то не столь очевидным выглядит обратное. Хотя оно, на наш взгляд, несомненно. Можно даже сказать, что в некотором роде первое (университетское философское образование), как оно сложилось в нашем (российском) университете, до определённого времени и до определённой меры предопределило как направленность университетской философии, так и её «структуру». Хотя в рамках этого вектора и этой «структуры» существовала свобода отстаивать различные содержательно-философские позиции.

В самом деле, если мы откроем любой словарь по истории отечественной философии, то напротив имён большинства более или менее известных казанских дореволюционных философов прочитаем: «логик», «психолог», о некоторых (Е. А. Боброве, архимандрите Гаврииле) ещё — «историк философии». Далее могут быть содержательные «определения» — «позитивист», «идеалист» и пр. Такое почти поголовное пристрастие к логике и психологии объясняется просто. Именно эти два предмета были в университете по Уставу 1835 г. основными и обязательными (а некоторое время — в период закрытия кафедр философии в российских университетах — единственными) философскими дисциплинами, составлявшими основное содержание университетского курса философии и являвшими основу университетского философского образования.

Эта необходимость готовить курсы, за чтение которых «чиновники по кафедре философии» (так первоначально назывались пре-

³ Не одной только «метафизикой» можно было достичь преимущества философского образования, долженствующего составлять «основу всякого специального образования», которое, по мнению В. Н. Ивановского, заключается в предохранении «от неподвижного догматизма и наивного самодовольного некритического мышления» (*Ивановский В. Н. К вопросу о генезисе ассоциационизма. Казань, 1910. С. 27*).

подаватели) и получали жалование, заставила их сосредоточиться (сначала, видимо, поневоле) именно на этом «векторе» философии, а потом, по мере проникновения в предмет, действовать уже «по интересу», всё глубже и искреннее, профессионально, «философски». Но заданность первоначального движения, инерция и сохранение в дальнейшем «правил игры» в значительной мере предопределили «осевую линию» российской университетской философии⁴: многие преподаватели сделали её своей основной профессиональной специальностью, хотя, разумеется, этим не ограничивались. Некоторые были весьма многосторонними исследователями (А. И. Смирнов, Е. Бобров, Н. А. Васильев, К. И. Сотонин и др.), плодотворно занимаясь многими областями: историей философии, эстетикой, проблемами метафизики, педагогикой. Но у всех в обязательном порядке имелись программы и курсы по логике и психологии, у некоторых — даже солидные труды по этим предметам.

В этой связи можно вполне заключить о существовании казанской университетской философии, а вот о «казанской школе» философии такое заключение вряд ли возможно в том смысле, в котором говорится об элейской, гегельянской, франкфуртской школах. Мы не можем говорить о ней и в том смысле, который имел в виду ученик М. М. Троицкого В. Н. Ивановский, объясняя, почему его учителю, убеждённому стороннику английского эмпиризма и позитивизма, было отказано в защите докторской диссертации в Московском университете, кафедре философии которой тогда возглавлял бывший профессор Киевской духовной академии П. Д. Юркевич: «Полемика Юркевича с Чернышевским более чем на десятилетие *определила идейное содержание* (курсив наш. — З. И., Ф. С.) московской кафедры философии»⁵.

⁴ Здесь её представителям удалось достичь больших, иногда выдающихся, результатов (см.: *Бажанов В. А.* 1) Прерванный полет: История университетской философии и логики в России. М., 1995; 2) История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М., 2007).

⁵ *Ивановский В. Н.* К характеристике М. М. Троицкого // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 52. С. 206.

Косвенным подтверждением того, что такого рода «идейное содержание» можно рассматривать как «школу», является следующее обстоятельство. Когда в 1875 г., уже после смерти П. Юркевича, совет факультета отказал М. Троицкому в вакансии по кафедре (предпочтение было отдано В. С. Соловьёву), профессор Н. В. Бугаев заявил, что «принцип замещения университетских кафедр профессорами *одинакового направления* неправилен...»⁶, они должны быть заняты людьми, «принадлежащими к разным философским школам».

В этом отношении «казанской школе» философии повезло меньше, чем одноименным лингвистической, алгебраической, химической и др. школам.

Конечно, были «учителя — ученики». Например, М. Троицкий — Ф. А. Зеленогорский, А. Смирнов; Е. Бобров — И. И. Ягодинский, А. О. Маковельский. Но это, скорее, было то, что называется «влиянием». «Мой первый реферат, прочитанный на практических занятиях проф. Е. А. Боброва...», — напишет позднее А. Маковельский, имея в виду свои занятия по античной философии под влиянием Боброва, которые приведут его к «Досократикам». И. Ягодинский в 1928 г. будет писать о Лейбнице, к которому «пристрастился» ещё в студенческие годы не без влияния того же проф. Е. Боброва, полагавшего, что «возвращение к метафизике собственно может знаменовать собою только возвращение к индивидуализму (монадологизму) или к лейбницианству»⁷. Однако учителя уезжали из Казани при первой возможности: М. Троицкий — в Варшаву, чтобы попасть потом в Москву, Е. Бобров — просто в Варшаву. Ученики уезжали тоже. Так, Ф. Зеленогорский занял вакантную кафедру в Харьковском университете, А. Маковельский покинет Казанский университет в 1920 г.

Тем не менее школы — в смысле разработки и развития рядом «учеников» определённых идей «учителя»; изучения на протяжении многих лет группой преподавателей какой-либо определённой проблематики внутри определённого философского направления с «еди-

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Бобров Е. А. Из истории критического индивидуализма. Казань, 1898. С. 40.

нопринципных» («единометодологических») позиций (как, скажем, школа Л. С. Выготского); или в смысле одного «идейного содержания» (например, «соловьёвское направление» в русской философии) — не было. Если и можно говорить о «казанской школе» университетской философии, то только в одном смысле — по месту службы её представителей: Казанского университета.

Если среди преподавателей по кафедре философии Казанского университета мы и найдём «единомышленников», то преимущественно в смысле принадлежности к «большим», общепhilosophическим, направлениям: позитивизму, персонализму и т. д. В этом отношении казанская кафедра философии, пожалуй, следовала «правильным», с точки зрения Н. Бугаева, «практике и примерам германских университетов, где даже постоянно заботятся о том, чтобы кафедры философии были заняты людьми, принадлежащими к разным философским школам»⁸.

Любопытно, что к кантианской философии и Канту как философу мы наблюдаем отрицательное отношение как в начале XIX в. (у А. С. Лубкина, например), так и в конце его. Так, о «безысходном философском болоте» Канта писал В. А. Снегирёв, читавший на кафедре логику и психологию с 1871 по 1885 г. Однако это не было особенностью «казанской школы», а, скорее всего, представляло общерусское философское восприятие. Так что Ф. Зеленогорский, который формально занимал кафедру философии в Казанском университете с 1870 по 1874 г., выражал далеко не только своё мнение, когда впоследствии заявил в своей речи на годовичном акте Харьковского университета в 1893 г., что «не склонен признать за Кантом ту роль реформатора в философии, которую приписывают ему другие»⁹.

Следует отметить также, что на кафедре философии Казанского университета ни в один из дореволюционных периодов её существования не было представлено, в отличие, скажем, от Московского университета, в качестве «идейного содержания» то, что именуют «русской

⁸ Цит. по: *Ивановский В. Н.* К характеристике... С. 208.

⁹ *Зеленогорский Ф. А.* О методах исследования и доказательства. М., 1998. С. 15.

религиозной философией». Пожалуй, мы не сможем даже назвать её представителей на кафедре. Ни *архимандрит* Гавриил (В. Н. Воскресенский), естественно для него полагавший, что «немошь нашей высшей душевной силы... живо заставляет нас чувствовать нужду в высшем откровении, содержащем благотворнейшие истины для нашего познания»¹⁰, ни учитель В. И. Несмелова В. Снегирёв, пришедший на кафедру из духовной академии, также не могут быть причислены к сторонникам «русской религиозной философии».

Не обнаружилась в истории кафедры за этот период и «борьба» западников и славянофилов. Профессора и приват-доценты по кафедре философии Казанского университета, судя по их работам, занимались преимущественно «чистой философией» в контексте проблемного поля и основных направлений европейской философии. Только Е. Бобров прямо заявлял о своей приверженности «панпсихизму» русского профессора А. А. Козлова¹¹, в этом смысле его можно назвать представителем «школы» А. Козлова, Г. Тейхмюллера.

Но, несмотря на неправомерность, по-нашему мнению, такого понятия, как «казанская философская школа», казанская университетская философия занимает достойное, а порой и заметное место в истории университетской философии в России. Можно обнаружить, как казанская сова Минервы крепла в полёте в той мере, в которой крепла вообще философия в России, всё более приобщавшаяся к философскому опыту Запада. Но обнаружить это можно лишь через конкретную «историю (философских) лиц».

На кафедре философии Казанского университета за первые более чем сто лет её истории (до закрытия историко-филологического факультета, в составе которого в последние предреволюционные десятилетия она находилась) преподавало совокупно около 30 человек. Это были весьма разные люди: по характеру, темпераменту, таланту, научным интересам, человеческим качествам. Некоторые из них из-

¹⁰ *Воскресенский В. Н.* История философии. Казань, 1883. Ч. 4. С. 192.

¹¹ Хотя это не более чем воспроизведение в значительной мере одной из линий европейской философии — берклианства.

вестны из исследовательской литературы, из «историй русской философии» (например, А. Лубкин, архимандрит Гавриил, М. Троицкий, Е. Бобров, Н. Васильев, А. Маковельский); другие только упоминаются в университетских летописях; третьи, возможно, оставили след лишь в памяти своих давно умерших учеников и коллег. Но их совокупной преподавательской деятельностью и творчеством, судьбой каждого из них создавалась история кафедры философии Казанского университета, собственно университетская философия и университетское философское образование.

Из «героев мыслящего разума» дореволюционного периода известное значение в истории российской университетской философии имеют А. Лубкин и архимандрит Гавриил (В. Воскресенский).

А. Лубкин — автор «Начертания логики» (1807), о некоторых обоснованиях которого много позже Г. Г. Шпет, довольно строго судивший о русских философах, писал, что в них есть «большая доля здравого смысла». О А. Лубкине пишут и по сей день. Так, в Интернете опубликован материал под интригующим названием «Компаративный анализ «Науки логики» Гегеля и «Начертания логики» А. С. Лубкина в контексте современных проблем логики»¹².

Архимандрит Гавриил — автор первой в России «Истории русской философии» (6-я часть его «Истории философии»). Она не похожа на более поздние «истории русской философии», многие её персонажи имеют весьма опосредованное отношение к философии. Да и оценивали книгу весьма неоднозначно. Главное её достоинство в том, что автор решился показать на материале нескольких веков, что «может собственных Платонов российская земля рождать».

Произведения других авторов производят впечатление большей «философичности». Это работы М. Троицкого, который, по словам Вл. Соловьёва, был «начинателем некоторой новой умственной эпохи» в Казанском университете. Это Е. Бобров, автор многих исследований по европейской и русской философии и культуре, заведовавший

¹² См. Электронный ресурс: http://www.Intelros.ru/2007/06/29/ankozaew_komparativ

кафедрой с 1896 по 1903 г. Это А. Маковельский, ученик Е. Боброва, приват-доцент Казанского университета, подготовивший и издавший своих известных «Досократиков». В этом же ряду Н. Васильев, обосновавший свою «воображаемую логику», о которой знают не только в России, но и за её пределами.

Кафедра философии оставалась вовсе не единственным каналом проникновения в университетское сообщество философской мысли и философских влияний, даже философской моды. Не была она и исключительным органом философской подготовки умов, единственным в университете «окном» в философски широкое мироозерение. Были и другие «окна» и каналы, другие носители. Многие представители университетской науки в курсах по философии права, отечественной и всеобщей истории, словесности, эстетики, механики, медицины, математики знакомили студентов с новейшими философскими течениями, с идеями философии искусства, философии истории, языка, с философскими вопросами науки, литературы, математики, естествознания. Некоторые из «нефилософов» занимались и непосредственно философскими исследованиями, скажем, профессора филолог К. Т. Фойгт, литературовед Н. Н. Булич, математики П. И. Котельников и А. В. Васильев, юрист Д. И. Мейер, анатом Е. Ф. Аристов и другие. Университетская философия жила, развивалась и за стенами кафедры философии.

Судьбы университетской философии в 20–30-х годах XX в. Рассматриваемый промежуток в истории университетской философии представляется как слепок истории советского государства, вобравшей в себя годы революции и гражданской войны, последующих политических репрессий. Следствием этой череды исторических событий стало искажение сложившегося ранее совершенно особого и уникального опыта преподавания философских дисциплин. Однозначно можно выделить три фактора, обусловивших философскую составляющую университетской жизни этого периода.

Во-первых, политическая ангажированность всех гуманитарных кафедр, философской в частности. После определённого интеллекту-

ального подъёма дореволюционных и первых постреволюционных лет на долгие десятилетия утвердился удушающий прессинг сталинизма. Все формы интеллектуального самовыражения были буквально скованы. В этот период происходит грандиозная ломка классического университетского уклада. Философская кафедра рассматривается в первую очередь как реальный инструмент в борьбе за утверждение базовых ценностей социализма.

Во-вторых, постепенная ликвидация философских направлений, чудом уцелевших на начало 20-х годов. Это исследования профессоров В. Несмелова (о грубых фальсификациях науки в русской богословской литературе), К. Сотонина (философия Сократа, музыкальная эстетика), В. А. Керенского (учение И. Эриугены о природах, учение Э. Роттердамского о свободе воли человеческой в его полемике с Лютером), Л. М. Миронова (история искусств), К. В. Харламповича (?), Сенгелевича (история религий). Из образовательной программы изымается целый ряд учебных курсов. Это курс истории искусств, предполагавший изучение портретного искусства у разных народов всех времен, соотношения между стилями и техникой в области скульптуры, живописи, архитектуры. Курс истории религии, включавший изучение богословско-философских школ протестантства; вульгарного рационализма; мифической лейбнице-вольфианской, тюрингенской, кантианской, идеалистической шеллинго-гегелевской, шлейермахеровской истории религии; новой ортодоксии; посредствующего богословия; бездогматического христианства¹³.

Третьим фактором (он начинает доминировать в 30-е годы) становится разрушение традиций преемственности, постепенное исчезновение подлинных предметов философствования, падение уровня философских исследований, отсутствие диссертаций по философии и диссертационных защит, невозможность стабильных программ преподавания философии, настоящий кадровый голод¹⁴. Существовал

¹³ Материалы по организации ФОН и об упразднении историко-филологического факультета. ЦГА РТ, ф. Р. 1337. о. 29. д. 4.

¹⁴ ЦГА РТ, ф. Р. 1337. о. 32. д. 121.

усечённый вариант программы, созданной самими преподавателями по трём разделам: истории философии, материалистической диалектике, историческому материализму. Отклонения от этой структуры не допускались, за исключением дополнительной темы по истмату: «Социализм и коммунизм». Сама методика не отличалась должным теоретическим уровнем и состояла из обычного вульгаризированного набора штампов ленинизма. Кафедре неоднократно указывают на недопустимый уровень преподавания¹⁵. Причины достаточно прозаичны: преподаватели были перегружены участием во вневузовских (идеологических) акциях.

Удручающе выглядит картина исследовательской деятельности в области философии. По количеству тем научно-исследовательской работы сотрудников университета в 1938/39 учебном году лидируют кафедры биологического (35 наименований) и геологического (26) факультетов; у кафедры философии — только 7, ей уступает лишь кафедра политэкономии — 2. Среди главных результатов научно-исследовательской работы КГУ в том же учебном году нет упоминания ни об одной философской теме. В общеуниверситетском отчёте за указанный период содержатся отчёты всех общеуниверситетских кафедр, кроме отчёта о деятельности кафедры философии¹⁶. Ранее в «Отчёте о работе КГУ за 1935/1936 уч. г.» кафедра философии упоминается как потерявшая элементы научной традиции, несостоятельная в плане публикаций. По сравнению с деятельностью кафедр естественнонаучного направления здесь всё очень скудно. Основная часть научных интересов вплетена в требования Политпроса и связана с теоретизированием по поводу основоположений марксизма-ленинизма. По архивным материалам можно определённо судить лишь об оригинальных научных предпочтениях проф. Б. Н. Выропаева (философия естествознания), асс. (?) Малоюрославцевой (философия естествознания), доц. Д. М. Пронина (историко-философские вопросы, философия естествознания). Однако возможность публикации своих оригинальных идей, в том числе в зарубежных изданиях, практически отсутствовала. Руковод-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Отчёт Казанского Университета за 1938/1939 уч. г. ЦГА РТ, ф. Р. 1337. о. 29. д. 69.

ство университета настроенно реагировало на публикации преподавателей в иностранных журналах¹⁷.

Возможно, значения этих трёх факторов не вполне достаточно для осмысления места и роли философии в 20–30-х годах XX столетия в Казанском университете, но они в любом случае носят знаковый характер. Ни одна научная школа, ни одно научное направление не сыграли в данном случае роль системообразующего принципа. Скорее, её реализовала догматика самой сталинской эпохи, преломленная в судьбах отдельных философов.

Действительно, существовала целая плеяда людей, работавших на ниве философского просвещения, у которых имелся свой опыт философского выживания в условиях идеологического прессинга, свои философские изыскания и предпочтения, не совпадавшие с господствующей догмой. Это относится, например, к трудам асс. Мало-ярославцевой («О работах академика Павлова»), лекциям доцентов С. Н. Смолова и Д. М. Пронина.

Расплата за отклонения от «генеральной линии» следовала неминуемо. Д. Пронин был обвинен в протаскивании меньшевистствующего идеализма, подвергся осуждению С. Смолов. За серьёзные идеологические ошибки был освобождён от должности зав. кафедрой К. Г. Федин¹⁸. Осуждению подвергается деятельность других «врагов народа», в частности проф. Т. С. Ищенко, бывшего зав. кафедрой в 1933–1934 гг. Пострадал проф. Б. Выропаев (выпускник физмата МГУ 1927 г. и естественнонаучного отдела Института Красной профессуры), незначительное время проработавший на кафедре. Незавидна судьба С. П. Батищева, некоторый период руководившего кафедрой: сведения о нём обрываются...

Показательной иллюстрацией плачевно-неопределённого состояния философской кафедры является целая цепь её трансформаций в эти годы: в 1928–1930 гг. она функционирует под названием кафедры диалектического материализма; в 1930–1932 гг. переимено-

¹⁷ См.: Протокол № 13 от 15 ноября 1936 г. // Протоколы заседаний Учёного Совета. ЦГА РТ, ф. Р. 1337. о. 29. д. 67.

¹⁸ См.: ЦГА РТ, ф. Р. 1337. о. 32. д. 121.

вана в кафедру методологии естествознания и диамата; в 1933–1934 гг. опять становится кафедрой философии; в период с 1934 г. по 1935 г. «растворяется» в составе кафедры ленинизма; в 1936–1939 гг. выделяется в секцию в составе кафедры общественных наук. Подобная хаотичность — дань политическим и идеологическим реалиям тоталитаризма сталинской эпохи.

Военные и послевоенные 40-е годы принципиально не изменили ситуацию с состоянием философии в университете. Содержание философии как науки и мировоззрения оставалось выхолащенным, низведенным до эффективного идеологического инструментария и технических приёмов пропаганды. Безусловно, такая «социальная востребованность» невиданно ограничивала исследовательские, мировоззренческие, культурные и гуманистические аспекты философии и философствования в Казанском университете. Единственным позитивным результатом стало воссоздание кафедры философии под адекватным названием в качестве самостоятельного подразделения в 1948 г. (более она уже не меняла своего наименования) под руководством доц. Д. Г. Морозова (1948–1958 гг.).

Развитие философии в КГУ второй половины XX века. Перелом в состоянии университетской философии наступает в конце 50-х годов как общее следствие политической «оттепели» в стране. Обновляются учебные программы, при кафедре учреждается аспирантура, совет по защите диссертаций. Открывается некоторый простор развитию исследований, формируются исследовательские направления: философские вопросы научного познания и предвидения; философские проблемы общественных отношений. Разворачивается подготовка преподавательских кадров для вузов города и республики. Кафедра последовательно возглавляется проф. М. И. Абдрахмановым — первым доктором философских наук — татариним (1958–1973 гг.), доц. Л. Л. Тузовым (1973–1980 гг.), проф. М. Б. Садыковым (1980–1998 гг.), проф. М. Д. Щелкуновым (с 1998 г.).

В 1992 г. кафедра вошла в состав новообразованного экономического факультета. Она обеспечивает философскую подготовку всех

уровней (вузовскую, поствузовскую, повышение квалификации преподавателей) учащихся и сотрудников университета.

Научно-исследовательские интересы сотрудников сосредотачиваются в области теории общественных отношений, социализации личности, философии науки, философии культуры, философии образования. Результаты исследований публикуются в ежегодных сборниках научных трудов, коллективных и авторских монографиях. Среди наиболее заметных: В. А. Бажанов «Наука как самопознающая система» (1991 г.), Ю. С. Комаров «Общество и личность в православной философии» (1991 г.), Ф. Ф. Серебряков «Истоки и основания философии» (1998 г.), Г. К. Сайкина «Метафизические основания нравственности» (2001 г.) М. Б. Садыков, Ф. Ф. Серебряков, М. Д. Щелкунов, А. В. Петров «Университет. Общество. Человек» (2003 г.), Н. А. Терещенко, Т. М. Шатунова «Постмодерн как ситуация философствования» (2003).

Знаковым событием стало опубликование в 2001 г. Татарского философского словаря. Это пионерское издание стало результатом многолетней работы доц. И. И. Ганеева, оно знакомит читателя с категориально-терминологическим каркасом (почти 1000 лексических единиц) западноевропейской и арабо-мусульманской философской мысли, понятийным строем татарского национального самосознания. Ежегодно проводятся межвузовские конференции по актуальным проблемам философского познания и выпускаются сборники материалов по ним. Вот лишь некоторые: «Философское учение об отчуждении», «Общество как система: самоорганизация, управление, менеджмент», «Человек и смысл его бытия», «Образование в зеркале философии», «Проблемы философии истории», «Российская идея», «Философские проблемы виртуальной реальности», «Идеалы пайдеи в евразийских реалиях» и др.

При кафедре открывается совет по защите докторских диссертаций по специальности «социальная философия» (с 2001 г.). Сотрудниками кафедры совместно с факультетом повышения квалификации университета была проведена большая работа по разработке и реализации образовательной программы дисциплины кандидатского мини-

мума «История и философия науки» для преподавателей вузов г. Казани, Республики Татарстан и Поволжского региона (2005–2006 гг.).

В постперестроечные времена появились возможности для творческого сотрудничества с западноевропейскими коллегами. Главными центрами сотрудничества стали Левенский (Бельгия) и Миланский (Италия) университеты. Тематика совместных исследований и обмена мнениями касалась философии культуры и науки. В ходе сотрудничества состоялось несколько международных семинаров: «Междисциплинарность в высшем образовании» (Левен, 1995 г.), «Проблемы культурной идентичности» (Казань, 1996 г.), «Российская идентичность» (Казань, 1997 г.)

Сотрудники кафедры продолжали активно участвовать в различного рода форумах философского сообщества самых разных уровней. В частности, это XIX (Москва) и XX (Бостон, США) Всемирные философские конгрессы, I–IV Всероссийские конгрессы философов, международные форумы в Москве, Киеве, Перми, Казани, а также многочисленные региональные, республиканские конференции.

Создание философского факультета. Классический университет немислим без философского факультета в своей структуре. Такие факультеты традиционно входят в состав крупнейших классических университетов России (МГУ, СПбГУ, Томского, Ростовского, Саратовского и др.), занимаются профессиональной подготовкой философов, религиоведов, культурологов, политологов. На этом фоне казалось странным, что КГУ — один из старейших классических российских университетов — не имел в своём составе философского факультета и не занимался подготовкой философов-профессионалов.

Впервые профессиональная подготовка философов в КГУ началась лишь в 2000 г., а спустя 5 лет, с 2005 г., началась подготовка бакалавров по направлению «религиоведение». Она велась силами кафедры философии, структурно относившейся к экономическому факультету. Понятно, что такая факультетская «прописка» кафедры, занимающейся профессиональным образованием философов и религиоведов, была неестественной.

С учётом этих обстоятельств учёный совет КГУ принял 22 марта 2007 г. историческое решение об образовании философского факультета. Тем самым университет окончательно обрел свой классический облик. Был открыт новый этап в развитии классического университетского образования. Из Миссии философского факультета: «факультет осуществляет подготовку специалистов профессионалов, ориентированных на системное мышление, перманентное образование и самообразование, жизнь в гармонии с самим собой и окружающим миром, следование идеалам Истины, Добра, Красоты».

В настоящее время факультет ведёт подготовку по специальностям (направлениям): философия, религиоведение, политология, конфликтология. Получена лицензия на подготовку по направлению.

В составе факультета 4 кафедры: общей философии (зав. каф. М. Д. Щелкунов), социальной философии и культурологии (зав. каф. А. Б. Лебедев), политологии (зав. каф. О. И. Зазнаев), религиоведения (зав. каф. В. В. Королев). Планируется открытие новых кафедр: культурологии; конфликтологии. Штатный состав преподавателей — 35 человек, из которых: чл.-корр. АН Татарстана — 3, докторов наук — 10, кандидатов наук — 25, удостоенных почетных званий России и Республики Татарстан — 7.

Основное научное направление факультета «Человек и общество в глобализирующемся мире». Ежегодно проводятся различные научные конференции. Активно развивается НИР по грантам РГНФ, Федеральных целевых программ Минобрнауки России. Устойчиво и эффективно функционирует аспирантура, работают два диссертационного совета по защите диссертации по философским и политическим наукам. Регулярно выходит в свет журнал «Учёные записки Казанского Университета. Сер. «Гуманитарные науки (философские и политические науки)», включённый в перечень ВАК. Сотрудники факультета постоянно принимают участие в международных и всероссийских конференциях, в том числе всемирные философские конгрессы. Налажено творческое сотрудничество с коллегами из МГУ, СПбГУ, Новосибирска, Томска, большинства университетов Поволжья (Саратов, Самара, Ульяновск, Н. Новгород, И.-Ола).

Факультет с 2008 г. остается базовым по проведению Всероссийского конкурса студенческих работ по философии и политологии. По направлениям подготовки «религиоведение» и «философия» занимает соответственно 5-е и 8-е место в рейтинге соответствующих факультетов (вузов) России 2010 г. (по результатам мониторинга, проводимого ГУ-ВШЭ по заказу Минобрнауки России). Образовательная программа «философия», реализуемая факультетом, вошла в состав лучших образовательных программ России по результатам мониторинга 2010 г.

Обретение КГУ статуса федерального университета открывает новые перспективы развития философского факультета. Главной целью является достижение его полноценного функционирования в качестве структуры, выступающей ядром университетского социально-гуманитарного образования и сочетающей в себе культивирование традиционных ценностей философии с развитием современных технологических подходов в образовательной деятельности.